

УДК 821.35

*Р.Я. Бадахова***ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МУССЫ БАТЧАЕВА**

В статье исследуются особенности психологического анализа в произведениях М. Батчаева. Целью статьи является рассмотрение основных приемов психологизма в творчестве Батчаева. Результаты исследования связаны с описанием приемов психологического изображения в произведениях Батчаева, обладающих разными изобразительными и выразительными возможностями. В ходе исследования выявлены основные средства психологизации в повести «Когда осуждают предки», где повествование ведется от первого лица. Преимущества авторского психологического повествования рассмотрены на примере рассказа «Двое». Область применения результатов заключается в том, что данные статьи могут быть использованы при дальнейшем исследовании приемов психологического анализа в литературах народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: психологизм, «диалектика души», внутренний монолог, самоанализ, умолчание, повествование.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-875-879

Любое литературно-художественное произведение воспроизводит мысли, чувства, переживания человека. Однако, раскрытие внутренней жизни героя у каждого писателя индивидуально. Часто художники пересоздают приемы психологического изображения, наиболее полно выражающие авторскую интерпретацию литературного характера. Психологизм в литературе – это всестороннее и глубокое исследование и подробное изображение посредством различных художественных приемов душевной жизни литературного персонажа со всеми нюансами и оттенками.

Многообразные формы психологизма дают писателю возможность всесторонне осветить «диалектику души» героя. А.Б. Есиным подмечены основные приемы психологического анализа, обладающие различными изобразительными и выразительными функциями. Изображение внутреннего мира героя достигается повествованием «как от первого, так и от третьего лица... повествование от первого лица создает большую иллюзию правдоподобия психологической картины, поскольку о себе человек рассказывает сам» [3. С. 87]. По мысли ученого, повествование от третьего лица имеет ряд преимуществ, как, например, свободное обращение «с художественным временем» или «возможность изобразить внутренний мир не одного, а многих героев» [3. С. 89].

Наиболее распространенным приемом психологизма А. Б. Есин считает внутренний монолог. Внутренние монологи, т.е. неслышные разговоры, которые ведут герои сами с собой, призваны воспроизвести их мысли и переживания в напряженные минуты жизни.

Примечателен прием умолчания, названный А. Б. Есиным парадоксальным, ибо писатель оставляет за читателем право психологического анализа.

Перечисленные приемы психологизма насыщают прозу талантливого карачаевского писателя М. Батчаева, отмеченную конфликтами, обращенными «вовнутрь», в душу героя. Часто, раскрытие внутреннего мира персонажа достигается Батчаевым с помощью повествования от первого лица. Данный прием психологизма используется в его произведениях «Серебряный дед», «Когда осуждают предки», «Элия», «Солнце светит всем», где действие вращается вокруг одного композиционного центра – судьбы главного героя. Автор пристально всматривается в душевную жизнь героя, которая дается крупным планом через его собственную подачу. Рассказ от первого лица в произведениях Батчаева, принимающий характер лирической исповеди, позволяет высветить сложную психологическую картину становления характера героя.

Так, в повести «Когда осуждают предки» серьезные нравственные проблемы решаются на материале внешне локальном, но внутренне напряженном и сложном. «Полюбить жизнь, не выезжая из маленького аула, иной раз кажется невозможным. Слишком уж тихо здесь и однообразно. Аул наш лежит в ясной, как ладошка, долине, где давным-давно все изведано. Вокруг аула лес и горы, горы и лес. Я удивляюсь, когда нашими краями восторгаются приезжие туристы или больные, что добирались сюда за тридевять земель, чтобы подышать чудесным, как они утверждают, воздухом. На мой взгляд, вокруг нас ничего интересного нет.

Может надо очутиться где-нибудь далеко-далеко, чтобы понять и оценить красоту своей земли?» [2. С. 61] – размышляет герой повести Баград Османов. Это не поверхностные суждения семна-

дцатилетнего юноши, пытающегося вырваться из опостылевшего гнезда в огромное «необжитое пространство», это, прежде всего, неопределенность нравственной мировоззренческой позиции.

С первых страниц повести читатель обнаруживает сложный духовный мир героя, размышляющего и ищущего себя и свое место. Школьный сторож Мунир одобряет желание Баграда уехать в город, поступить в техникум: «Окупись в большой мир... Мясо, что сварилось в маленьком котле, может оказаться сырым» [2. С. 62]. Мунир, лучший друг покойного отца Баграда, с которым юноша делится самыми сокровенными желаниями. Но бабушка Баграда, ни разу не видевшая города, рассудила иначе и не отпустила внука из аула: «...Что аул, что город – все равно, лишь бы человеком стать: ведь и в капле дождя и в бездонном море небо отражается одинаково» [2. С. 62].

Кто же прав из двух уважаемых и любимых героем людей. Школьный сторож – второй после бабушки, кто хотел бы видеть Баграда счастливым. Мунир, которого в ауле все считают «конченным человеком», ибо часто и крепко закладывает, почему-то занимает особое место в бабушкином сердце. И из-за этого юноша еще больше привязывается к Муниру и прислушивается к его мудрым советам.

Баград задумывается: и Мунир, и бабушка по-своему правы. В его душе постепенно назревает протест, перерастающий в разочарование: «У нас в ауле жизнь ползет, точно арба в ленивой коровьей упряжке... И чем дальше едешь, тем назойливей ощущение, что колеса вертятся, вертятся, а арба стоит на месте» [2. С. 62]. И, вдруг, – резкий перелом: он снова почувствовал себя человеком, любящим жизнь, ибо в ауле появилась «непохожая на других» русская девушка Ирма. Баград полюбил Ирму. Писатель обращает особое внимание на то, «что без слов, без клятв, молча и властно поворачивает друг к другу и сближает людей» [2. С. 79], следит за становлением чувства любви.

Юноша влюблен и, как ему кажется, безответно. Психологически тонко передает автор радости и огорчения первой юношеской любви. Лиризм повествования становится основной стилиевой доминантой. «Долгими, похожими друг на друга своей скукой вечерами я думаю что-то сделать, что-то ей сказать, что-то ему (брату Мазану. – Р.Б.) объяснить, чтобы изменить такое положение. Но наступает утро, и я почему-то стесняюсь этих своих мыслей...» [2. С. 64]. Мучается юноша. Внутренний монолог выступает действенным средством раскрытия душевного состояния героя. Внутренние монологи героев вводятся Батчаевым для непосредственного воспроизведения их переживаний в напряженные минуты жизни, чтобы передать то, о чем они не решаются сказать вслух.

Счастлив Баград, когда узнает, что Ирма любит его. Он ценит великодушие своего брата, нашедшего в себе силы не мешать счастью любимой им, но любящей Баграда девушки.

Но жизнь сложна. Она припасает неожиданности, порою драматические. Бабушка Баграда, представить себе не может, чтобы ее внук женился на девушке иной, не мусульманской веры: «“Сын моего сына! – сказала она протяжно. – Слышала я ... что шайтан обратил твой взгляд и душу на русскую девушку. Глазами можно на всех смотреть, но сердцем смотреть на женщину мужчине нельзя, если он не собирается ввести ее в дом. А если ты собираешься сделать ее нашей снохой, то подумай, смогу ли я качать на коленях твоего сына, рожденного женщиной другой веры?!...” – Бабушка же, не торопясь, расстегнула все крючки на платье от подбородка к поясу, обнажила давно иссохшую грудь, затем, также не торопясь, застегнула, сняла с белой, как снег, головы шаль: “Молоком из этой груди, вошедшей в тебя с кровью моего сына, прошу: не позорь вот эти седины... Аллах да вразумит заблудших...”» [2. С. 61].

Сама по себе литературная коллизия, хоть и не нова, но насыщена психологизмом посредством зорко подмеченных деталей национального этического мышления (смотреть сердцем, расстегнула все крючки, обнажила грудь). Автор добивается психологической достоверности, отказавшись от социологического разрешения поставленной проблемы, переходя к психологическому раскрытию характера и поступков героя.

Так, Баград оказался между двумя жерновами: любовью к Ирме и почтительным уважением к бабушке, потерявшей всех семерых сыновей, и чье слово всегда было непреложным нравственным законом для семьи. «Ни днем, ни ночью ни разу мы не шагнули без ее ведома, и ни один наш шаг, маленький или большой, не остался без ее осуждения или одобрения» [2. С. 60]. Но всегда ли правы старшие, чью мудрость так свято чтут? Прямо сформулированного ответа на этот вопрос в повести нет. Да и вряд ли он мог быть однозначно сформулирован, ибо вопрос психологически и этически не прост.

Далее приведено иное, чем у бабушки Баграда, мнение школьного сторожа: «Любишь, говоришь, ее? А бабушку обидеть боишься?.. Хорошо яблочко за забором, да можно штаны порвать? Нет, трус никого не любит... Себя только любит, свой покой, свой сладкий сон... Как этот хлеб, нужна, го-

воришь? Желудок любишь, а не хлеб, потому и кушаешь. Не смотри на яблоки, иди ломай забор, потом починишь. Ее любишь – плюй на всех, потом вытрешь...» [2. С. 73].

Баград, действительно, любит Ирму. Только не так-то легко «сломать забор» вековых предрасудков, как это представляется Муниру. Юноша понимает, что будет трудно выступить против традиций, тем более, когда их отстаивает не кто-нибудь, а любимая бабушка.

Сумеет ли Баград без боли, без жертв соединить эти две свои любви? Мучительно трудный вопрос. Юноша пожертвовал бы всем, только бы разрешить это неразрешимое пока противоречие, когда счастье одного близкого для него человека достигается ценой несчастья другого. Но, в том то, и драма, что личные его жертвы не нужны, а нужна именно эта трудная и жесткая плата.

Реалистически точно, психологически обоснованно показывает автор душевное смятение юноши. «Скоро экзамены – и аттестат зрелости... А экзамены на хорошего человека, хорошего и для него, Мунира, и для бабушки, и для Ирмы, и вообще для всех? Неужели без провала не обойтись, если ежедневно, ежечасно держать себя в предельном напряжении? Тяжело быть человеком!

“Ты не сердись, – пишу тоже красным карандашом в ее тетради, – это было только головокружение...”

Лучше сразу резко, чтобы потом было легко, чтоб забор был еще крепче, если сломать его нет сил. И смотреть на нее не надо, и любить не надо, если нельзя любить без оглядки, если эта любовь иголкой колет чье-то близкое тебе сердце... Довольна ли ты мной, моя бабушка?» [2. С. 74].

Внутренние монологи героев в произведениях Батчаева, обладая необыкновенной широтой диапазона, высвечивают их подлинное душевное состояние, которое они переживают в данный момент, обнаруживают их помыслы и желания, истинное отношение к окружающим. Особенностью психологизма Батчаева следует признать искусное оперирование всеми возможностями внутреннего монолога, как, например, борьбу мотивов в душе героя и принятие им решения.

В повести «Когда осуждают предки» нет облегченных решений, нет «счастливого конца». Но автор сумел найти «человеческий» выход из этой запутанной ситуации. Ирма уезжает и, как может, пытается снять тяжесть с души любимого человека. Девушка оставляет любимому письмо, в котором объясняет причину своего отъезда. Тетя Баграда сказала ей: «Пусть лучше две змеи обовьют мою шею, чем его твои руки» [2. С. 81].

Важнейшим условием полноты раскрытия характеров Батчаев полагает предельное обострение нравственной, психологической коллизии, принятие «решения» в трудных, конфликтных ситуациях. При этом автору удалось избежать одноцветной, романтической обрисовки характера. В центре повести «Когда осуждают предки» герой рефлектирующий, обретающий истину на пути вечного поиска, вечного духовного движения: «Солнце такое высокое, так много света, так ослепительно сверкает крышами лежащий внизу аул, что страшно быть несправедливым. Сейчас под этим палящим солнцем жажда правды, как жажда воды! И никогда эту жажду, кажется, не утолить, если не сейчас. Надо сейчас, не вставая с этого горячего камня, дождаться рождения истины! Я сейчас ее должен найти. И если истина эта меня даже укусит, не злиться, не бить ее по зубам, а положить на рану ладонь и уйти дорогой прощения и примиренности» [2. С. 78]

Интерес к духовному миру героя, стремление к полноте изображения «диалектики» его души, привели к пересмотру повествовательной структуры, связанному со сведением до минимума всеведущего голоса автора. При этом частым приемом психологического изображения в произведениях Батчаева является самоанализ героя, несущий определяющую эмоциональную нагрузку. При самоанализе сложные душевные перипетии героя словно раскладываются на составляющие – вопросы и ответы – и тем самым разъясняются читателю. «Но каким жестом, не уязвляя своего самолюбия, не уязвляя ее и никого другого, просто по-человечески, спокойно и умно, передать ей все, что сейчас в душе?

Мне вдруг становится жалко человека вообще, потом становится жалко себя. Она подходит близко, хочет, наверное, посмотреть, не плачу ли? Сначала вижу лицо, потом только глаза.

Странно – смотреть сразу в оба невозможно. Смотрю в один...

В нем – ответ на мучившие меня вопросы. В нем — однажды молча сказанная и неизменная с тех пор правда...» [2. С. 79].

Особая тональность произведений Батчаева создается посредством использования вопросов, остающихся без ответов: «Но зачем тогда я так долго думал о тебе? И ты зачем думала, Ирма? Почему не дано было нам посмотреть друг другу в зрачки в самом начале и увидеть свадьбу, увидеть завтрашний конец? И разве наши симпатии и антипатии рождаются просто так, стихийно, случайно, без корней, без гарантии на существование в будущем?» [2. С. 78]. Эти вопросы придают повествованию

взволнованность и непосредственность переживания, сильнее акцентируют высказанную мысль. Это позволило Батчаеву избежать стилистического однообразия, создать динамичное, психологически насыщенное повествование, эмоционально богатое, лирически окрашенное.

Баград, пройдя через нелегкие нравственные испытания, приходит к решению найти и вернуть любимую. Любовь принесла юноше умиротворенность, и он уверен, что им, ему и Ирме, быть вместе, как «двум половинам мира, притянутым каким-то большим и добрым законом» [2. С. 79].

В произведениях с одним главным героем, где повествование ведется от первого лица, авторское внимание преимущественно сосредоточено на нем, на его душевной жизни, что влечет за собой некую камерность. Авторское психологическое повествование имеет определенные преимущества и позволяет вводить читателя во внутреннее бытие героя и показывать всесторонне «неправедные изгибы сердец людских» (Е.А. Баратынский). Повествователь посвящен в душевную жизнь персонажа, способен выявить его многослойный духовный мир.

Так, в рассказе М. Батчаева «Двое» главным приемом психологического анализа являются внутренние монологи героя, органично вписывающиеся в повествование от третьего лица.

Аббас и Мугаталим из рассказа «Двое» дезертировали во время Великой Отечественной войны, укрылись в лесу, в маленькой теплой хижине. Аббас, вставший на путь дезертирства, уверен в правоте своего выбора. Безвольный и малодушный Мугаталим стал его попутчиком. Но совесть неумолима. С притягательной точностью и большим художественным тактом воспроизводит автор, как в сложной внутренней борьбе пытается Мугаталим оценить себя и свои действия. «До боли ясно представился ему (Мугаталиму. – Р.Б.) тот день, когда он сам так бездумно, так внезапно перечеркнул свою судьбу. Тогда было лето. Тогда он был таким, как и все. Где-то говорили была война. Ушли туда два его брата, ушли друзья. Ушел чахоточный Исмаил. А он ждал, он не торопился. Зачем торопиться, если все равно позовут. Но когда позвали, его в ауле уже не было. Если б можно было вернуть тот вечер... В тот вечер над аулом висел кизячий дым, из чьего-то дома несло острым запахом бузы. Слышалось бляение овец, шуршала листьями молодая кукуруза. Все было прежним, знакомым, обычным, каким было и до этого. Только он был уже другим, не таким как все. Навьючив скарбом большого серого осла, уходил он в тот вечер с Аббасом в горы, уходил от войны, от мужского долга, уходил тайком, оглядываясь, как вор. Почему он тогда не сказал Аббасу, что им не по пути?! Почему...? Если б можно было поймать брошенный камень...» [1. С. 42].

Повышенное внимание автора к внутреннему миру героя, его психологии привели к отходу от схематичности, от статичной описательности, которыми все еще грешат северокавказские литературы. Как подметил К.К. Султанов: «Новое измерение героя требует от художника восхождения от описательности к обобщению, к большей грузоподъемности слова и образа, не терпит идей, заявленных в отрыве от движения характера» [4. С. 80].

Мугаталим начинает осознавать, что только инстинкт самосохранения руководил им в тот роковой день. «Я думал: телу не больно и душе хорошо». Но душе плохо, несмотря на теплое и сытное существование. Психологическое изображение в произведениях Батчаева, где внутреннее смятение героя расчлняется на составляющие, особенно значимо в рассказе «Двое». «Как можно было любить себя так сильно?! Забыть все, кроме своего спасения, кроме себя? Повесят... А если простят, пожалуют? Так он будет жить еще двадцать лет... Он состарится, отпустит белую бороду и будет жить, требуя уважения к своим сединам, что так свято в любом ауле... Но будут ли его уважать?» [1. С. 44].

Такая сосредоточенность на анализе внутренних страстей героя, его психологии не оставляет ощущения камерности, позволяет проследить динамику внутреннего мира героя. Когда Мугаталим после долгой и мучительной борьбы с самим собой осознал свою ошибку, у него был выход: вернуться в аул, раскаяться. И, быть может, со временем люди простили бы его, но вспомнил многовековую мудрость отцов: позор длиннее жизни. И Мугаталим находит выход, с его точки зрения единственный: он повесился, а перед этим крепко связал сыромятным ремнем Аббаса – пусть замерзнет в горах человек, который любит жизнь только для себя.

Какие бы безутешные перспективы ни вставали перед героями произведений Батчаева, какие бы испытания не готовил писатель своим героям, он колебимо уверен: без горьких испытаний, не зная потерь и поражений, не чувствуя угрызений совести, человек не станет Человеком. Таково нерушимое нравственное убеждение Батчаева, и всем своим творчеством он доказывает эту истину.

Исследуя эволюцию характера, поведения, жизненных установок своих героев, Батчаев совершенно по-новому анализирует характеры и обстоятельства, переводя концепцию личности в плос-

кость нравственно-психологического анализа. Это конструктивное новаторство в прозе карачаевского писателя Батчаева, новаторство, результативное в становлении и развитии реалистического психологизма в литературах Карачаево-Черкесии.

При этом внутренний монолог героев в произведениях М. Батчаева становится одним из основных средств психологизации, хотя автор нередко прибегает и к живительной силе диалога, как действенному приему само и взаимохарактеристики персонажей. Самоанализ как частый прием психологического изображения в произведениях Батчаева служит фиксации и воспроизведению мыслей и чувств персонажа во всей их непосредственности и искренности. Как мы увидели, самоанализу героя автор отдает предпочтение в повествовании от третьего лица, в то время как внутренний монолог органично вписывается в рассказ от первого лица, принимающего характер лирического откровения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Наука, 2000. 248 с.
2. Батчаев М. Х.-К. Быть человеком. Рассказы, новеллы, повесть. Ставрополь, 1968. 118 с.
3. Батчаев М. Быть человеком. Повести, рассказы, новеллы. М.: Современник, 1987. 253 с.
4. Султанов К. К. Динамика жанра. Особенное и общее в опыте современного романа. М.: Наука, 1989. 152 с.

Поступила в редакцию 17.05.2019

Бадахова Рита Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»
369200, Россия, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29
E-mail: badahova.rita@yandex.ru

R.Ya. Badakhova

FEATURES OF PSYCHOLOGISM IN THE WORKS OF MUSSA BATCHAEV

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-875-879

The article examines the features of the psychological analysis in the works of M. Batchaev. The purpose of the article is to examine the main methods of psychologism in the creativity of Batchaev. The results of the study are connected with the study of the methods of psychological image in the works of Batchaev, with different visual and expressive possibilities. The study revealed the main means of psychologization in the story "When ancestors condemn", where the narration is conducted in the first person. The advantages of the author's psychological narration are discussed by the example of the story "Two." The field of application of the results lies in the fact that these articles can be used to further study the methods of psychological analysis in the literatures of the North Caucasus peoples.

Keywords: psychologism, "dialectic of the soul", inner monologue, self-analysis, silence, narration.

REFERENCES

1. Esin A.B. Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya [Principles and methods of analysis of literary works]. M.: Nauka, 2000. 248 p. (In Russian).
2. Batchaev M. H.-K. Byt' chelovekom. Rasskazy, novelly, povest' [Being human. Stories, short stories, the story]. Stavropol', 1968. 118 p. (In Russian).
3. Batchaev M. Byt' chelovekom. Povesti, rasskazy, novelly [To be a man. Novels, stories, short stories]. M.: Sovremennik, 1987. 253 p. (In Russian).
4. Sultanov K.K. Dinamika zhanra. Osobennoe i obshchee v opyte sovremennogo romana [The dynamics of the genre. Special and common in the experience of the modern novel]. M.: Nauka, 1989. 152 p. (In Russian).

Received 17.05.2019

Badakhova R.Ya., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Literature and Journalism
Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev
Lenina st., 29, Karachayevsk, Russia, 369200
E-mail: badahova.rita@yandex.ru